

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»¹

М. Ю. Ксенофонов, А. М. Никулин

Михаил Юрьевич Ксенофонов, доктор экономических наук, заведующий лабораторией ИНП РАН, заместитель заведующего кафедрой МФТИ. 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 47. E-mail: ksen_home@bk.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Чапановского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В центре интервью с Михаилом Юрьевичем Ксенофоновым, доктором экономических наук, заведующим лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН находится обсуждение проблем прогнозирования в экономической науке и политике. Рассматривается эволюция подходов к проблематике прогнозирования со времен позднего советского периода по настоящее время. Обсуждаются вопросы точности прогнозов, их альтернативности, ошибочности, а также влияния фактора субъективности на формирование прогноза. Проблемы прогнозирования иллюстрируются на примерах в энергетике и сельском хозяйстве. Ставится вопрос об оценках и критериях экономического роста, его скорости, оптимальности, пропорциональности. Отмечаются особенности в подходах к прогнозированию в естественных и социальных науках на примерах прогнозов погоды и прогнозов экономики. В заключение упоминается проектирование пространственного развития в связи с вопросами оценок масштабов социально-экономической дифференциации.

Ключевые слова: прогнозирование, экономика, политика, энергетика, сельское хозяйство, ошибка, регионалистика, оптимальность, пропорциональность

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-280-307

А. М. НИКУЛИН: Начнем нашу беседу с биографических фактов. Как получилось, что Вы занялись прогнозированием, включая и аграрную тематику?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Ничто не предвещало. Я даже испытал большое удивление, когда Вы обратились ко мне с предложением об интервью. Я понимаю, чем занимается журнал «Крестьяноведение», и, конечно, отношусь к числу экономистов, которые

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

исследуют аграрную экономику, но при всем при том сам себя позиционирую как экономиста широкого профиля.

Я закончил экономический факультет в 1974 году, это был первый выпуск кафедры планирования народного хозяйства. Распределился в отдел народнохозяйственного прогнозирования, который примерно в то же время создавался в рамках Центрального экономико-математического института Академии наук. Так получилось отчасти потому, что на кафедре планирования преподавали заведующий отделом Александр Иванович Анчишкин и заведующие лабораториями этого отдела Юрий Васильевич Ярёмченко и Эмиль Борисович Ершов. Эти выдающиеся ученые в процессе моего обучения дали базовые представления о том, что такое прогнозирование, и я этим заинтересовался. Я, конечно, не вполне осознавал масштаб личностей этих исследователей, но у меня возникло желание с ними дальше работать.

А. М. НИКУЛИН: Это было золотое время: столько было надежд на то, что на основе экономико-математических методов удастся усовершенствовать наше народное хозяйство.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Это тоже было. Восточная мудрость гласит: нельзя стать учителем, можно стать учеником, ученик «делает» учителя. Я могу читать лекции, написать учебник, но я не становлюсь при этом учителем, если меня никто не слушает и не принимает во внимание. В этом смысле я захотел стать учеником Анчишкина, Ершова, Ярёмченко, и они стали моими учителями. Когда мы (четыре выпускника нашей кафедры) пришли в отдел народнохозяйственного прогнозирования, наши старшие коллеги настраивали нас на то, чтобы мы изучали предмет. Методы — это хорошо, но, прежде всего, надо понимать предмет исследования. Методы хороши только в той мере, в какой они помогают разбираться в предмете. С этой точки зрения, я полагаю, что с самого начала я получил правильное направление мысли. Есть представление, основанное на идее специализации, что одни эксперты изучают некоторое экономическое явление или процесс, другие занимаются разработкой моделей, третьи собирают и анализируют статистику. Прогнозирование привлекло меня потому, что мне объяснили, что это на самом деле самая развернутая форма экономического исследования. Прогноз начинается с погружения в предмет. Это анализ фактографии и статистики. Потом ты обретаешь какое-то понимание — его нужно формализовать, чтобы с предметом разбираться уже на модельном уровне. Это может быть Модель с большой буквы, например, Модель межотраслевого баланса, производственной функции, т. е. что-то такое, за чем стоит большая предыстория. А может быть совершенно простая расчетная схема в Excel. Но самое главное, чтобы она соответствовала твоему пониманию предмета.

А. М. НИКУЛИН: Это важнейшая тема социологии знания. Наши модели — в некоторой степени метафоры или карикатуры

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

реальности. Но порой бывают такие удачные метафоры и карикатуры, что великолепно ухватывают сущностные черты реальности.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Карикатура замечательна тем, что она акцентирует внимание на некоторых сущностных чертах изучаемого объекта, на каком-то аспекте, который в данный момент является важным. Уже потом, во вполне взрослом возрасте, я понял, что был большим «изобретателем велосипедов», когда обдумывал свои методологические сюжеты, — безусловно, не хватало фундаментального образования в этой области. Существует очень давнее течение мысли — не говоря уже просто о философии, но и где-то ближе к экономике, которое этой проблематикой и занимается.

Так вот, в контексте того понимания процедуры прогнозирования получается, что сначала мы проводим анализ, потом — строим модель, формализуя свое текущее представление о предмете исследования, или адаптируем уже существующие модели в соответствии со своим пониманием предмета и особенностей постановки задачи, которой мы занимаемся. Потом мы делаем расчеты, потом — их интерпретируем, на этой основе предлагаем рациональные (в контексте проведенного исследования!) варианты политики или некоторых решений, которые, по нашему мнению, способны привести к разрешению рассматриваемой проблемной ситуации. Есть люди, которые занимаются моделированием профессионально. Мы же ставим задачу сделать формальный инструмент, отражающий предмет не «вообще», а те наши представления о нем, которые мы сформировали в процессе данного конкретного нашего исследования. Принцип относительности мне кажется здесь очень практичным.

А. М. НИКУЛИН: Вы все время подчеркиваете — «как мы понимаем». А если мы понимаем неправильно? В социологии знания есть проблема ошибки...

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Мы совершенно точно понимаем не вполне адекватно — что-то правильно, что-то неправильно.

А. М. НИКУЛИН: То есть у нас субъективное восприятие, и ладно бы только логически ошибаться — у нас еще есть эмоциональные ошибки, ценностные предпочтения, все, что с этим связано.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Совершенно с Вами согласен. Что я считаю результатом, который меня держит на плаву в течение основной части моей научной жизни? Этот результат носит философский, методологический характер.

Любой исследователь должен тем или иным образом «войти в контакт» с объектом своего исследования. В рамках своей деятельности Вы, я, наши коллеги-экономисты очень редко могут «работать с самим объектом». Как правило, мы работаем с описанием объекта. В структуре этого описания можно условно выделить фактографию, статистику, теорию. В рамках полевых исследований вы больше опираетесь на фактографию, потому что вам нужна кар-

тинка того, что происходит. У вас специфические способы получения этой информации, социологические. Это ваша форма описания, с которой вы работаете, но не сам предмет. Сельское хозяйство живет своей жизнью, а вы работаете с картинкой, которую создали.

А. М. НИКУЛИН: Я бы в этой связи опять повторил: возьмем отрасли сельского хозяйства — у нас совершенно разные субъективности. Чиновник Министерства сельского хозяйства — у него своя субъективность, у нас, сидящих в академических институтах, своя. У председателя колхоза — своя субъективность, и непосредственно у его работника — тоже своя. Это совершенно разные ментальные картины, но как сказал Аркадий Райкин: «Телефона звонят, парохода бегают». Должна была бы наступить дезинтеграция, хаос — они есть, но есть и упорядоченность.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Дело в том, что я в свое время очень остро прочувствовал неприятную особенность знания, которое порождается экономической наукой. Оно, во-первых, может быстро устаревать — в области экономики это порой происходит условно за ночь или в течение дня. Я и мои коллеги пережили несколько таких шоков смены картинки — например, 1991 год, развал СССР. У нас никогда не было такого предмета, как «экономика России». Министерство экономики РСФСР (точнее — Государственный комитет РСФСР по экономике) было, а предмета под названием «экономика России» как отдельной сущности — не было. Я помню, как в декабре 1991 года мы пришли на работу и поняли, что начинаем в каком-то смысле с нуля: у нас нет статистики по России, нам надо формировать новую картинку, потому что объект поменялся. Потом — реформы 1992 года. Мы года три (до середины 1990-х) «догоняли» предмет — пытались понять, что это такое — экономика России, да еще и рыночная.

А. М. НИКУЛИН: Она еще в таком турбулентном состоянии находилась.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Естественно. В этом смысле предмет у нас очень тяжелый.

Думаю, многие слышали совет умудренных опытом коллег, которые говорили: «Ты пишешь докторскую — начинай с автореферата». В этом есть парадокс, потому что автореферат — это содержательная выжимка из большого текста — на то он и реферат. А смысл в том, что надо сначала замысел исследования прочувствовать целиком. Я этот совет много раз слышал, даже пытался применить, но не получилось. Потом, когда написал докторскую, написал книжку, стал писать автореферат. И вдруг понял, смотря уже немного отстраненно, что можно было по-другому написать, по-другому, более точно расставить акценты.

Результат, который я считаю фундаментальным для себя как исследователя: мы работаем не с реальным объектом, а с его описаниями. Описания формируются отчасти сознательно, отчасти случайно и главное — надо понимать, в чем состоят особенности того

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

описания, на котором основывается твоё исследование. Мы все вменяемые люди, и стараемся ответственно подходить к своей работе. Берем самые адекватные статистические данные, из числа тех, которые нам доступны. Мы пользуемся теориями, которые соответствуют рассматриваемой проблемной ситуации. Мы набираем ту фактографию, которая относится к предмету нашего исследования. Повторюсь — мы нормальные исследователи, рациональные и профессиональные. Мы формируем некоторую «картинку» и потом логическим образом с ней работаем. Рядом со мной, с Вами существуют исследователи, которые занимаются одними и теми же вопросами. Но они работают в рамках различающихся описаний, в силу того, что у них другая предыстория: кто-то пропустил лекцию в университете, кто-то не до конца разобрался в каком-то разделе учебника, кто-то одну книжку прочитал, кто-то другую, кто-то один факт узнал, кто-то другой — а в итоге картинки разные. А потом в рамках этих картинок начинаем рационально, правильно, безошибочно размышлять о предмете своего исследования и приходим к разным выводам. Понятно, что если картинки немного различаются — приходим к близким выводам, когда сильно — мы непримиримые оппоненты, потому что ты говоришь, что надо делать так, а я на основе своего исследования говорю, что надо делать совершенно противоположным образом. Очень часто на семинарах встречаются непримиримые позиции: один говорит, что это черное, другой — что белое. Здесь одна система аргументов, и мы видим, что это нормальные аргументы; здесь другая система, и мы видим, что они тоже нормальные. Люди вменяемые, но говорят о совершенно разных методах действия или политиках.

А. М. НИКУЛИН: Мы начали даже не с экономики, а с проблем нашего познания, социологии знания и философии науки. Каким образом примирить наши субъективности? То, что Шанин, например, в английской изящной поговорке формулировал как «Красота в глазах смотрящего». Я бы сказал, что и уродство тоже. Каждый через свои персональные линзы воспринимает этот мир. Как нам это все согласовать? Плюс у нас есть еще нечто, что я называю ценностью, то есть для одного положительны ценности рыночного человека, для другого они ужасны, из-за них гибнет цивилизация. А потом эти противоречивые ценности инкорпорируются в экономику, экономическую политику.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Есть очень простая история, которая меня продвинула к пониманию, которое я считаю для себя очень важным и фундаментальным. В Институте народнохозяйственного прогнозирования много лет проходят энергетические семинары. В тот период, о котором я говорю, их вел Александр Семенович Некрасов — очень известный энергетик-экономист. Был запрос из Министерства экономики и Министерства энергетики оценить возможные последствия повышения тарифов на электроэнергию и газ. Провели два семинара подряд с интервалом в неде-

лю. Как обычно собрались ведущие специалисты в области экономики и энергетики (не только из Москвы, но и из других городов страны). Первый доклад — выступают наши гости из Института энергетических исследований и рассказывают, что они опытные люди, у них есть замечательная система моделей, они провели прогнозно-аналитические расчеты, которые показали, что тарифы вполне можно повышать, ничего с экономикой не случится. Позидавали вопросы, люди вышли, сказали, что нормальный доклад, были в хорошем настроении. Следующий доклад — выступают мои коллеги из нашего института. Они говорят, что они классные специалисты, у них классные модели, они провели прогнозно-аналитические расчеты, которые показали, что повышение тарифов дело очень рискованное потому-то и потому-то... Им тоже позидавали вопросы. После этого я посмотрел на глаза людей, которые выходили из зала: они были потухшие. Люди столкнулись с ситуацией, когда им на протяжении двух дней представили прямо противоположные выводы. При этом у них не возникло претензий ни к одной группе исследователей. Они не смогли выявить явных ошибок или явного непрофессионализма в их работе. Они ушли поникшие, не разговаривали друг с другом, были потеряны.

Я начал разбираться. Особенности работы моих коллег я представлял достаточно хорошо, поэтому я сосредоточился на выяснении того, как был сделан прогноз в Институте энергетических исследований. Оказалось, что у них постановка задачи, тот сценарий, применительно к которому они решали поставленную задачу, был примерно такой. Предположим, что экономика развивается. В динамично растущей экономике повышение тарифов опасно или нет? Их ответ был «нет». Можно повышать тариф, ничего не случится. Растущая экономика с растущими доходами эти тарифы спокойно «переварит» — электроэнергия и газ будут дороже, но субъекты экономики смогут их купить, потому что их покупательная способность вырастет в большей мере, чем вырастут тарифы. Это важный результат. Это правильный результат. Но они забыли сказать, что у них «гарантированный» экономический рост является исходной гипотезой. Эксперты нашего института исходили из того, что рост не является гарантированным, что ситуация сложная, непонятная, может быть и так, и так. И если в этой нестабильной ситуации мы повышаем тарифы, велика вероятность, что это спровоцирует стагнацию или спад. Если не будет роста, то дополнительная нагрузка на экономику посредством повышения тарифов является фактором дополнительных рисков. Мы говорим: если роста не будет — повышение тарифов плохое решение. Это два разных ответа на два разных вопроса. Нам был задан вопрос, можно ли повышать тарифы? В процессе ответа на этот вопрос одна из команд исследователей дополнила его «...при условии гарантированного экономического роста». Вторая группа не дополняла этот вопрос такой гипотезой. И получилось, что мы в процессе двух существенно различ-

ных исследований получили два очень полезных результата. Допустим, мы пишем записку в Министерство экономического развития по результатам обсуждения на этом семинаре: «Уважаемые господа, если у вас есть система инструментов, которые гарантируют экономический рост, то можете повышать тарифы, если считаете это целесообразным для решения локальных проблем электроэнергетики и газовой промышленности — это не мешает экономическому развитию». Это важный результат — он вносит вклад в понимание того, что можно делать. Мы-то не знаем, есть ли в распоряжении министерства соответствующие рычаги. Мы говорим, что если такая ситуация, то можете повышать тарифы, экономика это выдержит. Вторая часть этой записки: «Если у вас таких гарантий нет, то надо сильно подумать, что-то еще посчитать и проанализировать, потому что в рамках другого сценария велики риски того, что экономика воспримет повышение тарифов как дополнительный тормоз и ограничение в своем развитии». Получалось так, что в процессе решения задачи мы исходный вопрос можем неявно, неосознанно дополнить некоторыми новыми гипотезами. Наши коллеги из Института энергетических исследований не обратили внимания на то, что они это сделали, потому что у них была система моделей, в которой экономический рост задается экзогенно.

А. М. НИКУЛИН: Они не могли вообразить, что может быть иначе.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да, задавать темпы экономического роста в своих расчетах было естественно сложившимся стереотипом. В ретроспективе, при разработке системы моделей они, естественно, делали акцент на моделировании того, как разные варианты развития экономики формируют требования к объемам и структуре производства в отраслях ТЭК. Они экзогенно задают параметры развития экономики и выстраивают согласованные с ними сценарии развития энергетики. Систему моделей именно с такими особенностями они и использовали для решения поставленной задачи.

Проблема в том, что у исследователя часто не возникает вопроса о том, какой моделью пользоваться (обычно мы опираемся на уже существующие), поэтому выбор модели не рассматривается как содержательное решение. Но, как мы увидели на этом примере, такой выбор может существенно повлиять на реальное содержание исследования.

Если к такому выбору отнестись осознанно (хотя проблема возникает именно из-за того, что мы не воспринимаем эту ситуацию как выбор, поскольку у нас чаще всего нет возможности в отведенное для нашего исследования время воспользоваться несколькими моделями), мы, скорее всего, на этапе интерпретации результатов вспомним, что упростили исходную задачу в ходе ее решения. Иными словами, фактически мы предложили ответ не на исходный вопрос, а на некоторую его более узкую формулировку — какими бу-

дут результаты повышения тарифов при таких условиях или при других. Если так, то мы сможем осознать и ограничения на область использования полученных результатов. Этот пример меня настроил на то, что правильная в методологическом плане позиция состоит в том, что нужно за собой следить, когда проводишь исследование. Иногда абсолютно технические действия имеют содержательные последствия: ты взял привычную модель, но на самом деле ты не просто взял модель — ты привнес в свое исследование целый набор гипотез, которые были заложены в нее на этапе ее построения или адаптации к решаемой задаче. Всегда есть какое-то количество экзогенных параметров, к которым мы относимся как к инструменту технического управления модельными расчетами. Это такая «внутренняя кухня», которую практически никто не объясняет. Есть, условно говоря, вещи, про которые принято рассказывать, а есть технические гипотезы — про них никто не говорит. А если к ним серьезно отнестись, они вполне могут быть проинтерпретированы в содержательных терминах. Раз содержательных, значит, это влияет на результат.

Фактически я написал докторскую про то, что мы живем в мире, в котором сосуществуют разные описания, поэтому то, что мы приходим к разным результатам, — совершенно нормально. Другое дело, что, если мы понимаем, что мы живем в мире разных описаний, мы не должны рассматривать соответствующие им результаты как жесткие альтернативы: либо это, либо это. Если мы понимаем, как мы модифицировали вопрос, который перед нами поставлен, мы поймем и то, что наши ответы имеют отношение не к исходной формулировке, а к некоторому более частному ее случаю. А наши коллеги, которых мы воспринимаем как «невменяемых оппонентов», отвечают на другой вариант модификации исходного вопроса.

Конечно, помимо всех этих вполне рациональных вещей есть еще и эмоции, различия системы ценностей. Это, на мой взгляд, объясняет феномен высокой конфликтности взаимодействия различных экспертов в экономической науке. Но эту конфликтность можно значительно ослабить, если мы поймем, в какой логике формируются эти разные ответы. Большая часть диссертации была посвящена тому, что я анализировал разные проблемные ситуации и привел развернутые иллюстрации того, что разные описания обладают эвристической силой, предопределяют разные выводы, а следовательно, неизбежные столкновения разных позиций в экспертном сообществе.

А. М. НИКУЛИН: Вы начали с формирования Вашей мировоззренческой модели, какая она сейчас, и стали говорить о некоторых ретроспективных событиях — семинар с энергетиками, например. Я бы в связи с Вашим рассказом привел две притчи-метафоры: одна — знаменитая, как два ученика пришли к индийскому мудрецу-судье, и он им ответил: «и ты прав, и ты прав». Другой — китайская конфуцианская мудрость о том, что у доброго человека

и ложное учение становится истинным, а у злого и истинное учение становится ложным.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Это слишком «высоко».

А. М. НИКУЛИН: Мне представляется, что мы не можем говорить, что находимся в мире только объективных моделей — в них заложены некоторые человеческие ценности. Вот здесь висит портрет Альберта Швейцера — он был не только доктором в Африке, но и философом. Он утверждал, что можно преодолеть любые противоречия, кроме ценностных мировоззренческих. Одни люди строят систему крепостей-моделей, защищающих эту свою систему ценностей, другие строят другую систему. Но при этом все-таки можно попробовать найти компромиссы.

Итак, вернемся к центральным направлениям, через реконструкцию хроники Вашей академической жизни, работы, репертуара тем, с которыми Вы сталкивались, — конечно, в связи с историей страны, потому что мы много чего кризисного пережили за эти десятилетия, когда снова и снова приходилось начинать с чистого листа.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: В университете мы получили достаточно универсальное образование, что проявилось и в названии специальности у меня в дипломе — «плановик-синтетик». Из-за этого на распределении была пара заявок из химической промышленности. Имелось в виду, что речь шла не об отраслевом планировании, а о планировании на народнохозяйственном уровне. Я писал диплом у Эмиля Борисовича Ершова, уникального человека. В ту пору, когда наши учителя оформляли свои докторские диссертации, Эмилю Борисовичу говорили: «Ну защищайся, написал же уже». Меня в то время впечатлил один образ. По-моему, Александр Иванович Анчишкин сказал, что Эмиль Борисович строит башню из 100 этажей в стране, где туманы не позволяют увидеть выше пятого. Шесть этажей ты спокойно защитишь, все получают хороший результат, ты соответствующий статус, который ты заслуживаешь. А фактически он защитил диссертацию лишь в конце своей жизни.

А. М. НИКУЛИН: Это докторская или кандидатская?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Докторская. Думаю, требовательности, которую он предъявлял к себе, он научил и своих сотрудников. Я также стал достаточно трепетно относиться к своим результатам. Наверное, я и один мой товарищ были из числа немногих в Академии наук завлабов без ученой степени кандидата наук, но это уже было в более позднее время — в конце 1980-х. Когда мы пришли в Академию наук, стартовой позицией была должность стажера-исследователя.

А. М. НИКУЛИН: Я с этой должности тоже начинал, потом стал мэнээсом и так далее.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да, потом младший научный сотрудник, потом — научный сотрудник. Но предполагалось, что научный сотрудник должен быть со степенью, а старший — тем более. Диплом в МГУ я писал по моделированию, по динамической моде-

ли межотраслевого баланса, так как Эмиль Борисович был «главный модельер» внутри команды отдела народного хозяйственного прогнозирования. Потом Эмиль Борисович перешел на должность замдиректора ЦЭМИ, лабораторию его расформировали в соответствии с действующими тогда правилами. И я попал в лабораторию к Юрию Васильевичу Ярёмко. В то время начался замечательный многолетний проект «Комплексная программа научно-технического прогресса», и там всех людей, которые на что-то были способны, мобилизовали под возникающие задачи. Начиная с этого времени я стал заниматься блоком отраслей энергетического сектора. Я довольно долго делал и аналитические, и прогнозные построения в этой области исследований. В этих нескольких циклах комплексной программы я писал уже нормальные «выходные» тексты.

А. М. НИКУЛИН: Это какие годы?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Начиная с 1976-го по 1988-й.

А. М. НИКУЛИН: То есть Вы после окончания университета — сразу в Институт народнохозяйственного прогнозирования?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да. Но только тогда это был Центральный экономико-математический институт АН СССР (ЦЭМИ), а я пришел на работу в отдел народнохозяйственного прогнозирования этого института. До 1986 года мы были частью Центрально-экономико-математического института.

А. М. НИКУЛИН: До самой перестройки.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: А в 1986 году ЦЭМИ реформировали. Мы выделились под названием «Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса», поскольку предполагалось, что станем головной организацией проведения исследований по Комплексной программе научно-технического прогресса на 20 лет. Я немного позанимался моделированием сразу после окончания университета. До 2000 года я вел исследования в сфере энергетики, структуры экономики, а также моделирования и методологии прогнозирования. Так что ничего не предвещало моей аграрной специализации в последующие годы.

Произошло это следующим образом. Алексей Васильевич Гордеев, который был министром сельского хозяйства, в 1999 или 2000 году защищал докторскую диссертацию. Когда «начальники» защищают докторскую диссертацию, всегда есть подозрение, что кто-то им ее написал. Поэтому соискателей вызывают в ВАК и специальным образом пристрасно расспрашивают, чтобы они продемонстрировали знание того, что написано в диссертации.

В ту пору Виктор Викторович Ивантер, директор нашего института, был председателем экономического совета в ВАКе. Они, видимо, и познакомились на этой процедуре. Летом 2000 года Виктор Викторович вызывает меня из отпуска и говорит, что министр сельского хозяйства хочет организовать группу исследователей, которые будут «научно» поддерживать деятельность министерства, — нужно кого-то делегировать на эту работу. Тогда я уже

восемь лет был заместителем директора института, так что он решил, пусть это буду я. Я возразил, мол, где я, а где сельское хозяйство. Но Виктор Викторович сказал, что он выбрал именно меня, поскольку у меня «широкие взгляды».

Я попал в компанию, в которой были Александр Васильевич Петриков, Евгения Викторовна Серова, — мы собирались в министерстве не реже раза в неделю, у замминистра, на оперативке, с нами обсуждали какие-то вопросы, давали поручения подумать о различных проблемных ситуациях. Поначалу я просто слушал.

А. М. НИКУЛИН: Надо было вникнуть, что происходит.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да. Слава богу, к тому времени я уже понимал те методологические проблемы, которые мы с Вами уже обсуждали. Конечно, это были непримиримые споры: Александр Васильевич с Евгенией Викторовной практически ни в чем не могли согласиться. Я пытался выступать примирителем. Не вылезая на передний план, просто слушал, предлагал отредактировать какие-то позиции в материалах, а главное — занимался образованием в новой для себя области. Хорошо было то, что это был период достаточно интенсивного знакомства с предметом. Через полгода я уже вступал в дискуссии с моими профессиональными коллегами.

А. М. НИКУЛИН: Интересно про примирение: у Шанина был опыт дискуссий в разных культурах, он говорил: «Когда русские спорят между собой или евреи спорят между собой, у них задача — доказать, кто из них дурак. Когда спорят англичане, им все равно, кто из них дурак, главное — достичь компромисса между их точками зрения». К сожалению, мы часто идем по русско-еврейскому пути.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: К тому времени я уже прошел через осмысление, почему мы такие конфликтные, почему экономические дискуссии через пять минут переходят в режим «сам дурак».

А. М. НИКУЛИН: Думаю, это особенности эмоциональной отечественной культуры. Кажется, после таких обличительных слов тем не менее остаются и дружеские отношения.

Все-таки смотрите: 1976–1986 годы, Вы работаете в ЦЭМИ. Это время застоя, когда многие творческие люди, ученые что-то придумывают, но все это нелегко внедряется в жизнь. Потом начинается Перестройка, возникает уже другой институт, потом разваливается СССР, 1990-е годы. Вы говорите, что начинали стажером-исследователем, а в начале 1990-х — Вы уже заместитель директора института. Что представлял из себя «дух времени», политические, экономические, научные дискуссии в те последние десятилетия XX века?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Когда я пришел в отдел народнохозяйственного прогнозирования, я понял, что мы занимаемся важным делом, которое называется «комплексная программа научно-технического прогресса», появилось ощущение вовлеченности в большую научную жизнь — это была очень хорошая школа, потому что исследовательская программа была грандиозной по со-

временным представлениям. Там были академические и отраслевые институты, министерства, огромное количество совместных комиссий, которые систематически обсуждали актуальные проблемы, подходы к их решению, результаты исследования... Когда меня спрашивают, насколько это все было реалистично, насколько я во все это верил — я полагаю, что в тот момент я о таких материях систематически не размышлял. У меня был предмет, задачи, и я старался решать их наилучшим образом и по моим текущим способностям. Меня не занимал вопрос, может ли это все реализоваться, потому что меня тогда уже научили, что прогнозы — это очень специфический вид исследований. Типичный пример — прогнозы погоды. Какие к ним требования? Чтобы они сбывались. Когда обещали солнце, а пошел дождь, мы говорим — вы непрофессионально работаете. А если бы обещали дождь, сказали бы, что синоптики молодцы.

А нас тогда готовили к парадоксальной на первый взгляд мысли, что прогнозы делают не для того, чтобы они сбывались.

А. М. НИКУЛИН: Вам это было ясно уже тогда, в конце 1970-х — начале 1980-х?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Нам объясняли, что мы изначально делаем не один, а три-четыре, десять вариантов прогноза. Но ведь десять вариантов прогноза сбыться не могут — ты делаешь прогнозы, девять из которых точно не сбудутся. Зачем ты их делаешь? Ты всегда делаешь прогнозы, которые ты хотел бы, чтобы они сбылись? Ответ очень неожиданный: нет. Сейчас мы живем в рамках прогноза глобального изменения климата, ключевая позиция общества в отношении которого — мы очень не хотим, чтобы он сбывался. Научное сообщество сделало прогноз климатических изменений, ужаснулось, что это все может привести к таким последствиям, что лучше в такое будущее не попадать. Теперь всем миром пытаемся сделать так, чтобы этот прогноз не сбывался. Таким образом, мы делаем прогнозы как способ получить дополнительную информацию, которая нужна людям, принимающим решения.

Это хорошо, если мы работаем с человеком, который говорит, что находится в области его возможностей, а что нет. Но чаще мы в своих академических кабинетах работаем вообще на «систему управления», которая где-то существует, говорим, что вот сделали такой-то прогноз, провели такое-то исследование с такими-то результатами, дали им такую-то интерпретацию — пользуйтесь. Даже когда по заказу что-то делаем — рассказываем, как мы видим будущее со своих позиций, а не с позиций людей, которые будут принимать решение.

Очень важное обстоятельство — мы не несем ответственности. Почему нельзя настаивать даже на таких решениях, которые ты считаешь совершенно правильными? Потому что на самом деле, если занять такую позицию, она будет неадекватно «комфортной». Ты фактически указываешь человеку, который принимает реше-

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

ния, что делать, — он несет ответственность, а ты сидишь рядом и им руководишь. Это слишком хорошо, чтобы быть правильным.

А. М. НИКУЛИН: О прогнозах: за эти полвека прогнозирование погоды все-таки достигло значительных успехов, и гораздо реже сейчас попадают «в молоко», чем это было в 1970-е годы, например. Можем ли мы сказать, что экономика тоже достигла сопоставимых успехов с точки зрения прогнозирования? Или здесь успехи меньше или вообще проблематично обсуждать их наличие? Потом вот климатическая повестка — есть же скептики, которые говорят, что у природы гигантские циклы, это очередной цикл потепления, промышленность тут вносит несущественный вклад. С точки зрения своих убеждений каждый строит свои прогнозы, модели, предлагает, что надо делать.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: 50 лет назад мы боялись глобального похолодания. В журналах того времени это была главная проблематика.

А. М. НИКУЛИН: К тому же есть элементарные интеллектуальные моды: вдруг появляется эффектный доклад или эффектная книжка, все увлеченно начинают думать или работать в этом направлении.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Слово «мода» в данном случае очень содержательное, потому что, если мы вспомним, как устроен мир моды, мы поймем, что на самом деле это такой институт манипулирования сознанием широких масс. Нам говорят, что в прошлый раз была клеточка — теперь клеточку нельзя. Платье, рубашка никоим образом не износились, но они морально устарели. Есть фундаментальные понятия физического и морального износа. Морально устарели — выбрасываем. Ты вновь должен стать потребителем не потому, что тебя не устраивают физические свойства, а потому, что мода так устроена, что теперь такое не носят. С этой точки зрения боюсь, что есть научная повестка, которая формируется не в режиме броуновского движения, когда мы все о чем-то думаем, вдруг возникает критическая масса, и мы понимаем, что все движемся в некотором направлении. Существуют разные инструменты и способы влияния на то, над чем мы думаем, как мы думаем, на парадигмы всякого рода. Поэтому мода — очень содержательная отсылка.

Но про прогнозы. В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики? Люди, которые делают прогнозы погоды, погодой не управляют, за исключением того, что в дни военных парадов могут разогнать облака.

А. М. НИКУЛИН: Это может быть как раз особенностью русской интеллектуальной мысли: взять того же Николая Фёдорова, космиста, который говорил, что одна из важнейших задач человечества — научиться управлять климатом, это первое на пути к космосу. И даже в утопии Чаянова появляются специальные аппараты метеорефоры, при помощи которых Россия может управлять

погодой. Пока это несбыточно, разве что на несколько часов в небольшом пространстве мы можем светлое небо создать. Тем не менее такая задача ставится — научиться управлять климатом. Пока не умеем, но к этому есть стремление и свои идеи. А вот что касается климата общественной жизни...

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Как мы пользуемся прогнозом погоды: мы, допустим, выбираем, брать ли зонт, насколько тепло одеваться. Это наши индивидуальные решения, и люди, которые делают прогнозы погоды, их формулируют в терминах градусов, вероятности осадков, силы ветра. Они не говорят, что надеть, они говорят: «Вы принимаете решение». Может, сейчас тепло, но ты болен, и тебе все равно нужно одеться теплее, чем «по погоде».

А. М. НИКУЛИН: А когда говорят: «Ожидается гололед, автомобилисты, смените шины», или «Ураганный ветер, лучше сидите по домам» — это и практическая составляющая прогноза погоды.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Тем не менее в этом смысле экономические прогнозы устроены примерно таким же образом. Живет человек, если ему нужна информация, как одеваться, он посмотрит в окно. Но мы понимаем, что через час картинка в окне может измениться, поэтому нужен прогноз погоды на день. Мы пользуемся прогнозом в процессе принятия решений. Это и есть основное назначение прогноза. Если бы мы не принимали решения, если бы у нас не было выбора одежды, прогнозы погоды не были нужны вообще, кроме тех видов деятельности, для которых это важно, например, для сельского хозяйства. Примерно в такой же логике устроено экономическое прогнозирование: мы говорим, что люди принимают важные решения — поддержать этот инвестиционный проект или другой, эту отрасль или другую, поднять или опустить ключевую ставку. Мы обогащаем контекст, в котором принимаются решения. Человек, который работает без инструмента прогнозирования, может опираться только на прошлое. Это почти единственная основа для принятия решения. Хотя мы и прошлое плохо знаем, как выясняется, как кем-то было сказано: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым». Если посмотреть, как сейчас в Америке со своим прошлым «работают», у них же было другое прошлое совсем недавно, а сейчас они кардинально его поменяли. В этом смысле сомневаюсь, что непредсказуемость прошлого относится только к России — это, вероятно, универсальный феномен. В этом смысле, когда мы прогнозируем, мы опираемся тоже на прошлое: на свое или смотрим, как развивались другие экономики в ретроспективе. Если мы смотрим в категориях прошлого, мы работаем в категории физического времени. Но есть и другие возможности. Например, есть ребенок, подросток, взрослый и старик — это определенные стадии развития, стадии закономерных изменений. Если мы в каком-то отношении находимся на «детской» стадии развития, но видим, какими бывают «взрослые» люди, мы можем воспользоваться знанием о том, в чем состояли основ-

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

ные закономерности и проблемы «взросления». Аналогичным образом можно обращаться к опыту других стран и исследовать те периоды их развития, когда они были содержательно подобны нам. И тогда мы сможем воспользоваться рассуждениями по аналогии, чтобы получить представления, как мы могли бы развиваться или, наоборот, что будет препятствовать реализации принятых целевых установок. А еще есть возможность анализа уже свершившихся инноваций — это тоже «прошлое», но особого рода, которое позволяет строить образы будущего.

А. М. НИКУЛИН: Наше с Вами интервью носит умеренно-полюемический характер, а когда Вы говорите, на что нам опираться, есть пессимистическое мнение Гегеля, который писал: «Невозможно учиться на чужих ошибках — впрочем, невозможно учиться и на своих собственных, потому что всякий раз глупость посещает нас в новом облиции». Я имею в виду, что инновации и моды — это часто новые проявления ошибки.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Есть визионеры, предсказатели — сидят, медитируют, говорят, что будет так, потому что они так чувствуют. Мы относим свои прогнозно-аналитические исследования к научной деятельности, потому что можем объяснить, как мы все это сделали. И если вы пойдете нашим путем, придете к таким же результатам. Я объясняю, откуда берутся эти прогнозы: в основном из прошлого, плюс представления о том, что мы создали в научно-технической сфере — это уже тоже свершилось, оно тоже прошлое, но это можно проецировать на будущее и фантазировать, как изменится ситуация в будущем, если то, что сейчас еще только «прорастает», достигнет существенно больших масштабов (производства, потребления, распространения)...

Так что есть свое прошлое, прошлое других экономик и представление о спектре дополнительных возможностях развития, которые дает поток инноваций. Мы из этого и «варим» блюдо под названием «прогноз».

Аналогия: вы едете вечером по шоссе, дорогу уже довольно плохо видно, фары не включаете — вы же ехали по этой дороге, все было нормально. Прошлое вам говорит, что все нормально, нет смысла освещать дорогу, чтобы узнать «что меня ждет через 100 метров». А на самом деле это же очень полезная вещь. И вот одно из предназначений прогнозирования — это исследование, что может нас ждать впереди. Эту информацию просто из анализа прошлого не получишь. Здесь нужна специальная профессиональная деятельность, которой мы занимаемся: мы предлагаем людям, которые принимают решения, дополнить контекст своих размышлений представлениями о том, что может быть в случае тех или иных действий или бездействия. Бездействие — в смысле, что ты продолжаешь жить на основе каких-то стереотипов, которые сложились в прошлом.

В одних случаях мы делаем инерционный прогноз (это более сложная конструкция, чем простая экстраполяция) и приходим

к выводу, что ничего особенно ужасного не происходит. Но может ли произойти что-то хорошее? Для ответа на этот вопрос, наряду с инерционным, мы строим некоторый «нормативный» прогноз, который призван показать, каким может быть более привлекательный образ будущего. И если мы нарисует результат, который впечатляет, есть вероятность, что система управления начнет что-то делать, чтобы перейти на соответствующую траекторию развития. Таким ли будет результат развития, как в нашем прогнозе? Скорее всего, нет.

Существует масса неуправляемых факторов, которые мы определенным образом включаем в свои построения — как набор сценарных гипотез. Мы не говорим: «Будет так», а «Будет так, потому что мы исходим из таких предположений, таким образом с этими предположениями работаем, получаем такой результат и таким образом его интерпретируем». Тогда люди, которым предстоит принять тяжелые, ответственные решения, получают дополнительную важную информацию, что может быть, если они выберут те или иные варианты действий.

Мы говорим, что этот вариант будущего формируется в такой-то логике, а этот — в такой. Мы не говорим, что это будет так или так, потому что это зависит от людей, которые принимают решения, кроме того, система управления не может управлять всем. Например, в США, в некоторых других странах принимают решения, которые потом сказываются и на нас. Это человеческих рук дело, но для нас это «внешние» условия развития, которыми мы не управляем.

А. М. НИКУЛИН: Давайте конкретизируем: по опыту прошедших десятилетий приведите примеры ваших и ваших коллег удачных прогнозов и ошибок, когда прогнозы не сбылись и почему. Какие службы прогнозирования самые точные?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Это, видимо, сложно — принять мысль, что удачный прогноз и сбывшийся — это вообще-то разные вещи.

А. М. НИКУЛИН: Поясните на примерах.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Вернемся к климатическому прогнозу: является ли он удачным, правильным, если при оценке прогноза пользоваться критерием меры его совпадения с реальным результатом? Я бы хотел, чтобы мы это не узнали никогда, потому что, если мы узнаем, что он правильный, это означает, что человечество будет находиться на грани гибели. Если этот прогноз окажется точным, будет беда.

А. М. НИКУЛИН: Можем ли мы говорить о предостережениях? Например, наш космист Фёдоров говорил: «Что мы видим в апокалипсисе от Иоанна? Вот финал. Но это предупреждение — прогноз, который может не сбыться. А для того, чтобы он не сбылся, человечество должно разумным, плановым образом научиться регулировать силы природы, свои собственные темные силы, объединиться вокруг идеи воскрешения. Так мы можем этой спрогнозированной

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

пропасти конца света избежать. Если мы не прислушаемся к грозным прогнозам и не скоординируем свои усилия, то этот ужасный прогноз Апокалипсиса может сбыться».

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Климатическая повестка — это история, имеющая аналогичную логическую структуру — это прогноз-предупреждение.

Мы же говорим не об одном прогнозе, а о системе прогнозирования. Есть инерционный прогноз. Применительно к изменению климата сделали прогноз на 50–100 лет, ужаснулись и озаботились тем, что нужно сделать, чтобы он не сбылся. Если это климатическое будущее нас не устраивает, какое бы нас устроило? И мы строим некоторый нормативный прогноз, который говорит, как можно было бы устроить экономику, жизнь, с тем чтобы (если мы верим в эти представления о механизмах изменения климата) климат через 50 лет был еще приемлемым. В рамках этого нормативного прогноза прорабатываются такие идеи, как «энергетический переход». То есть на самом деле мы говорим о том, что мало ужаснуться того будущего, которое возникает в рамках инерционных сценариев, надо еще понять — а к каким вариантам будущего нужно «выруливать»? Что можно принять в качестве цели?

А. М. НИКУЛИН: Таким образом, ученый в принципе может сказать: «Знаете, там, на горизонте, может появиться новый тип угроз и рисков, будьте осторожны в принятии своих решений»?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Я говорю о трех типах прогнозов. Если мы поняли, что инерционный тип развития нам не подходит, нужно определиться, какой вариант будущего можно принять в качестве актуальной цели развития, а затем — как ее можно было бы реализовать на практике. И здесь есть разные сценарии политики достижения целей, которые обоснованы в рамках нормативного прогноза. Один вариант, второй, третий... Мы говорим, что вот здесь будет «дорого», вот это «подешевле», но зато мы не достигаем тех или иных целей. Именно эти результаты своей деятельности мы и «раскладываем» на столе у лица, принимающего решение. Это его ответственность, его ресурсы, это ему на «невидимых весах» нужно сопоставить результат и затраты, на которые он может или не может пойти. Это его компромисс, а не мой, кабинетного ученого, которому хотелось бы, чтобы мир был устроен вот таким вот образом. Но я много чего не знаю! Все, что я знал, я изложил в рамках своих прогнозных настроений — что будет в случае инерционного развития, что можно будет принять в качестве рациональной цели развития по сравнению с инерционным. И вот разные варианты движения к этой цели. Всё. Это то, что я могу со своего уровня предложить в качестве такой дополнительной полезной информации. А окончательный выбор делает лицо, принимающее решение. Как я могу, находясь в такой позиции, говорить о том, какой прогноз сбудется? Я их делаю не для того, чтобы они сбылись. Большую часть инерционных прогнозов мы делаем, что-

бы они не сбылись. Нормативный прогноз мы делаем, чтобы обосновать рациональные цели, отдавая себе отчет, что в таком идеальном виде он не может реализоваться. И потом, мы делаем несколько вариантов прогноза того, к каким последствиям приведет тот или иной вариант действий. Я не могу настаивать, что вот этот вариант действий лучше, потому что в моей голове один набор критериев, а у вас может быть совсем другой.

А. М. НИКУЛИН: Вы занимаете позицию высокочеловеческого офицера оперативного отдела Генштаба. Вы как офицер разрабатываете прогнозы, а уж что и как Верховный решит, и как будут наши противники против нас играть — это уже другое дело... Но, исходя из имеющихся данных, вот возможны такие варианты развития стратегического и тактического. Ваша работа — по аналогии с работой офицера-штабиста, который анализирует информацию и говорит, куда может военная кампания продвигаться. И иногда офицер все-таки предлагает рекомендации.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Я согласен с этой аналогией. Было бы странно, если бы офицер штаба писал записки, где диктовал односторонние решения генералу, который за эту кампанию отвечает.

А. М. НИКУЛИН: Хорошо. Возвращаясь к Вашему отраслевому опыту... Я бы резюмировал некоторый вывод, который должен бы звучать так с точки зрения оптимизации результатов прогнозов: «Дорогие коллеги, любое решение, которое мы с вами примем на основе сформулированных нами прогнозов, будет в некоторой степени ошибочным. Наша задача заключается в том, чтобы минимизировать степень этой ошибки». Правильно я понимаю?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Даже меньше претензий. Просто мы даем информацию. Не всегда хорошим тоном являются даже рекомендации, настоятельные рекомендации. Хороший тон — это такая нейтральная констатация, что «если так — то так, если вот так — то вот так». Выражать свои предпочтения можно в статье, но в записке было бы не совсем корректно, потому что это означает, что ты пытаешься управлять лицом, которое принимает решение и берет на себя ответственность. Или делать это максимально осторожным образом, или если ты находишься близко к этому лицу, то надо ему объяснять, что за этими предпочтениями скрывается. В рамках моего понимания предназначения прогнозов — это такая честная и корректная позиция. Со стороны внешнего наблюдателя можно сказать, что мы ловко устроились — ни за что не отвечаем, объясняем, что их прогнозы не сбываются и не должны сбываться. А мы говорим, что прогнозы не для того, чтобы они сбывались, а для того, чтобы помогать принимать решения, которые будут влиять на будущее.

А. М. НИКУЛИН: Я думаю, что Вы и Ваши коллеги составили много прогнозов по разным отраслям народного хозяйства и в целом по народному хозяйству России за прошедшие десятилетия. Какой прогноз Вы назвали бы «хорошим»?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Скажем так: если верны климатические модели, если мы все не являемся жертвами интеллектуальных манипуляций, то климатический прогноз я бы назвал хорошим прогнозом. Назвал бы удачным, потому что он активно вошел в процессы принятия решений. Он воспринимается управленцами, экспертным и деловым сообществом как информация, важная в принятии самых разных решений. Можно сделать прогноз, который ни на что не повлиял. Он тоже может быть хорошим, но не нашлось лица, принимающего решения, который выжал бы из него ту пользу, которая в нем содержится.

Вы напрасно ждете от меня «простого» ответа на якобы «простой» вопрос. Я могу привести пример прогноза, который фактически сбылся. Мы его сделали в 1999 году, когда только прошел финансовый кризис. И в это время мы говорили о том, что сложились такие обстоятельства, что экономика может начать динамично восстанавливаться. Мы написали доклад про это. И этот прогноз сбылся не с точностью до последней цифры, но идеологически. Все говорили, что нас ждет длинный кризис, а мы говорили, что нет, высокая вероятность перехода к динамичному росту. И этот прогноз сбылся.

А. М. НИКУЛИН: Вы упомянули климатический прогноз — говорили о климатическом прогнозе «вообще», в рамках всего человечества или конкретно по перспективам России? У нас же здесь своя собственная климатическая повестка сформирована.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Я имею в виду историю про то, как будет меняться климат. Все это построение в определенном смысле удачная и эффективная работа, потому что она повлияла на всех тех людей, которые принимают решения. Все мы начинаем задумываться, например, об углеродном следе. А все эти мысли возникли из прогноза и всей той деятельности по интерпретации его результатов, которую мы все наблюдаем.

А. М. НИКУЛИН: Ладно, с климатом сельскохозяйственная проблематика связана. Еще в этом году заморозки были неожиданные в мае, даже правительство в связи с этим принимало соответствующие меры. Но мы остановились на том, что Вы вошли в тему, наблюдая за бесконечной полемикой Александра Петрикова и Евгении Серовой и не только. Какого рода ваши работы оказались применимы в аграрной сфере? Чем пришлось здесь заниматься?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: То, что мне довелось сделать, относится как раз к построению некоторых прогнозов развития аграрного производства. Тут немного странная история получается. Все обычно очень радуются росту объемов аграрного производства, а я еще с тех времен, когда сделал первый прогноз балансов ресурсов и использования аграрной продукции на 10–15–20 лет, понял, что есть предел этого роста. Более того: если в определенный момент не «нажать на тормоза», нас ждут кризис перепроизводства и другие неприятности, которые не видны, если относиться к аграрному производству как к некоей спортивной деятельности:

вот рекорд поставили, еще рекорд. Ведь рекорды в спорте — это прекрасно. Но здесь не спорт, а экономика. А в экономике важнее сбалансированность. Рост хорош тогда, когда он соответствует ресурсным возможностям, емкости рынка сбыта. В свое время были и другие эксперты, которые постепенно стали высказывать «крамольную» мысль про то, что не надо рассматривать перспективу в области сельского хозяйства как перманентный рост. Надо попытаться понять, что может стать смысловым порогом в этом росте. Какие потребуются изменения в целеполагании, в механизмах развития сельского хозяйства, когда мы достигнем тех или иных уровней производства. Эта позиция хорошо выражена в известном в аграрной среде парадоксальном утверждении: «В сельском хозяйстве две беды — урожай и неурожай!»

А. М. НИКУЛИН: Есть такая точка зрения, политэкономическая, я бы сказал: а каковы пределы роста, какой ценой достигается рост? И некоторое оптимальное сбалансирование — это, пожалуй, главная мудрость экономики.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: И в случае аграрной тематики я перешел с философского уровня на прикладной. Эти прогнозы показали, что, действительно, рост не только благо, но и источник проблем. Уже сейчас нужно задумываться над тем, как будем маневрировать в новой ситуации.

Когда я наблюдал за дискуссиями Евгении Викторовны Серовой и Александра Васильевича Петрикова, я пытался понять — почему они такие непримиримые в своих позициях и выводах? В своей докторской диссертации я написал главу, которая была посвящена разным вариантам описания проблем развития сельского хозяйства, где я показал, как разные и чаще всего неявные исходные мотивы исследователя влияют на процесс формирования «картины» рассматриваемой проблемной ситуации, а затем предопределяют и получаемые им выводы.

А. М. НИКУЛИН: Это у Вас уже в докторской была сельская проблематика?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Это была диссертация не по отраслевой экономике, а с претензией на методологические обобщения.

А. М. НИКУЛИН: Но вы конкретные примеры брали в определенных отраслях?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да, там фигурировали энергетика, сельское хозяйство, продовольственная безопасность. Но это все были такие прикладные развернутые иллюстрации нескольких положений методологического характера, которые в упрощенном виде можно формулировать так. Если вы, занимаясь одним и тем же вопросом, проблемой, работаете в контексте разных описаний, вы неизбежно придете к разным выводам. А для того чтобы обрести понимание условий их корректного использования в процессе принятия решений, нужно в максимально возможной мере выявить и учесть те явные и неявные допущения, которые вы сделали в рам-

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

ках своей работы. Нужно разобраться, в чем состояли различия в ваших стартовых позициях, тогда будет существенно меньше поводов спорить о результатах.

У меня была аналогия: две разведгруппы послали за линию фронта, узнать, где штаб противника. Одна группа возвращается и докладывает, что штаб находится в одноэтажном здании желтого цвета с тремя окнами. Вторая группа докладывает, что штаб находится в двухэтажном доме, окна выходят на овраг, шесть окон в качестве ориентира. Плохо, если командир будет рассматривать эту ситуацию как ситуацию однозначного выбора — один из этих докладов по тем или иным причинам примет в качестве «правильного», а второй как преступную ошибку. Ведь разведчики, возможно, с разных сторон рассматривали один и тот же дом. Если его построили на косогоре, то, возможно, на противоположных сторонах он имеет разное число этажей, если смотреть на него с разных сторон, у него может быть разное число окон. И проблема не в том, кого наградить, кого наказать, а в том, как извлечь всю полезную информацию.

И вот мы в экономические исследования встроены, как эти разведгруппы. Три окна у дома — это не истина в последней инстанции, а часть правды. Это взгляд с одной стороны. А с другой — другое число окон. Это не значит, что мы должны выбирать — либо это, либо то.

А. М. НИКУЛИН: В каком году Вы защитились?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Докторскую — в 2002 году.

Мы с моим товарищем в один день защищали кандидатские диссертации в 1990 году, успев вовремя. У меня диссертация была про энергетику. Докторскую я подготовил «по призыву» старших товарищей, потому что Ю. В. Ярёмченко, который был научным лидером нашего института, внезапно умер. И нам сказали, что для выживания института нужны защиты докторских диссертаций, хотим мы этого или нет. Ссылки на загруженность не проходили. Но, поскольку я в это время уже был заместителем директора, мне по правилам ВАКа нельзя было защищаться в диссертационном совете своего института. Я защищался в Институте экономики у Л. И. Абалкина. А когда приходишь со своей «картиной мира» в диссертационный совет, где сидят люди, привыкшие смотреть на мир по-другому, довольно легко столкнуться с непониманием. В определенном смысле, обсуждение моей диссертации стало иллюстрацией ее основных сюжетов.

Так вот, до 2000 года никакой аграрной проблематики у меня, кроме курса А. М. Емельянова, который читали мне как студенту кафедры планирования народного хозяйства экономического факультета МГУ, не было. Тот курс производил сильное впечатление. Но и в университете, и на работе в институте нас ориентировали на то, что мы должны стать экономистами «широкого профиля». Так что, с одной стороны, погружение в аграрную проблематику было неожиданным, а с другой — соответствовало такой установке.

В диссертации я написал главу, посвященную анализу того, в какой логике могут формироваться различные внутренне непротиворечивые варианты объяснения причин спада объемов производства в российском сельском хозяйстве в 1990-е годы после рыночных реформ. Поскольку большая часть дискуссий Серовой и Петрикова были связаны с реформами и их последствиями, проявившимися в развитии аграрного сектора, то фактически я попытался объяснить (в первую очередь себе), почему профессионалы высочайшего уровня предлагают настолько различающиеся рекомендации, что нужно делать с сельским хозяйством, чем вызван кризис в его развитии в 90-е годы. При этом я делал акцент не на тех эффектах, которые обусловлены особенностями индивидуальной системы ценностей, идеологических установок, а именно на процедуре формирования описания исходной проблемной ситуации, с которой любой исследователь должен начать свою работу.

Я своим студентам объясняю процедуру формирования описания с помощью понятия «точки кристаллизации». Как можно заниматься анализом процессов развития сельского хозяйства? Например, можно исходить из того, что сельское хозяйство — это некоторая «производственная система». Что в этом случае в первую очередь привлечет внимание исследователя? Обеспеченность отрасли различными ресурсами: чего много, чего мало, как они между собой взаимодействуют. Так формируется «ресурсный» подход к анализу сельского хозяйства. Тогда мы обратим внимание, что в интересующий нас период времени наблюдалось фронтальное сокращение ресурсной базы отрасли — посевных площадей, поголовья животных, парков техники, минеральных удобрений, бюджетного финансирования. В середине 1990-х в новостях прошло сообщение, что местное отделение энергетической компании РАО ЕЭС отключило электроснабжение полка ракетных войск стратегического назначения за накопившуюся задолженность за электроэнергию. Можно представить, что было с фермами, которые не могли заплатить за электроэнергию. Если точкой кристаллизации описания является образ сельского хозяйства как производственной системы, мы естественным для себя образом соберем такой набор фактов, статистических данных, теоретических представлений, анализ которых даст основания для вывода, что именно нарушения нормального воспроизводства активов и снижение доступности ресурсов текущего производственного потребления и стали основной причиной наблюдавшегося спада объемов аграрного производства. И если мы хотим скорее выйти из кризиса, нам нужно всячески поддерживать восстановление производственной базы сельского хозяйства, что приводит к понятному спектру решений.

Возможна другая «точка кристаллизации». Интересующий нас период — начальный этап рыночных реформ. Это переход к такой модели устройства экономики, где рыночная самоорганизация становится основным механизмом регулирования экономическо-

*М. Ю. Ксенофонтов,
А. М. Никулин*
«В чем отличие
прогнозов пого-
ды от прогнозов
экономики?»

го развития. Значит, можно попытаться объяснить наблюдаемый спад объемов аграрного производства с позиции того, как изменилась конъюнктура рынков аграрной продукции. При таком взгляде на эту ситуацию видишь, что в первые годы реформ наблюдался катастрофический спад доходов населения и государства, которые являются основными потребителями аграрной продукции, что это не могло не сказаться на емкости рынка продовольствия. Поэтому смотришь на кризис с этой позиции и опять становятся понятны и причины, и шлейф адекватных решений — поддержка спроса на отечественное продовольствие. Это другой вариант объяснения исследуемой проблемной ситуации. Они различаются как по содержательному контексту, так и по выводам, оставаясь локально корректными вариантами исследования.

В середине 1990-х годов считалось правильным приглашать в министерства на уровень отделов людей из бизнеса. С одним из таких «мобилизованных из бизнеса» я сотрудничал в Министерстве сельского хозяйства, и однажды он поведал про устройство своей весьма успешной аграрной компании. Смысл этого рассказа состоял в том, что компания была выстроена в логике вертикальной интеграции. То есть она была в максимальной мере изолирована от различных негативных воздействий рыночной неразберихи, характерной для начального периода рыночных реформ. И тогда я смог предложить еще и третью точку кристаллизации, совершенно в философской логике. Чем занимается наука? Выявлением закономерностей. Хотя анализ исключений из закономерностей тоже полезен, потому что тогда мы либо лучше понимаем, как устроены сами закономерности, либо узнаем что-то принципиально новое, что подтолкнет нас к формулировке новой закономерности. Этот рассказ навел меня на простую мысль, что наряду с умирающими сельхозорганизациями существовали и вполне успешные. И когда мы выясняем, что успешные бизнесы устроены определенным образом, мы получаем возможность связать наблюдаемый кризис с тем, что либерализация рынков существенно опережала позитивное строительство рыночных институтов, которые обеспечивают рациональность рыночных взаимодействий. По этому поводу есть масса исследований: о механизмах формирования ценовых диспропорций, о негативных эффектах институционального неравновесия — когда какой-нибудь молокоперерабатывающий завод оказывается локальным монополистом. Или элеватор. Им дали экономическую свободу, и они пользуются своими конкурентными преимуществами. И если мы смотрим на кризис с такой позиции, его можно объяснить плохой организацией рынков и обосновать соответствующие направления антикризисной политики.

Я в диссертации представил эти три внутренне непротиворечивые варианты аналитических построений, которые различаются подходом, исходной точкой зрения, предопределяющими затем и реальное содержание соответствующих исследований.

Возвращаясь к метафоре «разведгрупп» — результаты рассмотренных вариантов исследования не должны рассматриваться как альтернативы однозначного выбора, несмотря на то, что они внешне находятся в конфликте друг с другом. Надо стремиться к тому, чтобы по возможности использовать все эти точки зрения в рамках формирования этой самой синтетической картины того, как это все на самом деле устроено. Потому что есть и ресурсные проблемы, и проблемы с рынками, с потребительским спросом. И общее представление, что все эти факторы каким-то образом должны быть вписаны и в картину кризиса, и в варианты позитивного развития. А мы неизбежно в рамках своих исследований не можем все охватить. Если я это понимаю, значит, я буду достаточно аккуратен при позиционировании своих рекомендаций. Если я за собой «слежу» в процессе собственного исследования, то я могу сказать, что вот здесь мои выводы работают, а здесь — нет.

Возвращаясь к восточной мудрости, могу сказать, что «надо помнить себя». Мы обречены, в силу того, что ограничены в своих возможностях, на то, что порождаем частные результаты. Если мы относимся к ним как к истине в последней инстанции, мы делаем гигантскую ошибку. Если мы понимаем, что представляем некий частный результат, то можем предложить и область (условия) его корректного использования.

А. М. НИКУЛИН: Приведу какие-то примеры, связанные с этим самым поиском альтернатив. Например, очень популярна дискуссия по поводу того, что эффективнее — крупное аграрное производство или мелкое аграрное производство? Корпорация или фермер? Но ответ — это все зависит от некоторых оптимумов производства. В зависимости от отрасли — где может быть что-то крупнее или мельче. Я думаю, вот почему могли быть различия в спорах Петрикова и Серовой: есть проблема аграрного производства и сельского развития. Есть само по себе сельское сообщество, и у него тоже некая своя логика. Когда я в сельских полевых исследованиях изучал логику председателей колхозов, то оказывалось, что председатель был человек в трех лицах: во-первых, менеджер аграрного производства, во-вторых, патрон сельского сообщества, когда надо было за «социалку» беспокоиться, вода там, газ; и в-третьих, он был нижним членом номенклатурного партийного звена, обязан транслировать «волю партии» в своем локальном сельском сообществе. И в производстве, и в общественной жизни. И эти «три в одном» роли было очень трудно объединить в одном человеке. Такой руководитель должен был буквально разрываться. И лишь некоторые уникалы-председатели могли достаточно органично в себе эти три роли совмещать. Когда я беседовал с одним немецким профессором-аграрником о проблемах оптимального размера производства в сельском хозяйстве, он сказал: «Знаете, оптимально то, что хорошо работает. Независимо от размера». Крупная корпорация хоро-

шо работает — значит, вполне оптимальный размер, мелкий фермер хорошо работает — значит, тоже оптимальный размер.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: В прошлом году Наталья Ивановна Шагайда с коллегами выпустила книжку про агрохолдинги.

А. М. НИКУЛИН: В позапрошлом.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Как быстро летит время! Лет пять назад на семинаре у нее была эта дискуссия. И я сказал что-то в таком роде, что не можем мы как боги диктовать миру те формы организации, которые нам нравятся. Жизнь определяет. Если это существует, то ...

А. М. НИКУЛИН: «Все действительное — разумно, все разумное — действительно». Гегель.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да. Хотя не все разумное действительно, наверное. Но на той дискуссии мне говорили, что агрохолдинги — это абсолютное зло, поскольку мы нашли в них и такие проявления неэффективности, и такие. Моя же позиция состояла в том, что в контексте тех задач, которые решала отрасль, эта форма организации может рассматриваться как достаточно адекватная. Она обеспечивает режим развития, поэтому это органично. Конечно, есть негативные последствия. Но покажите мне идеальную ситуацию в жизни?

А. М. НИКУЛИН: Думали ли Вы — такая животрепещущая тема была отражена в Вашей докторской и монографии — над совершенствованием этой мировоззренческой модели? О том, что мир очень сложно устроен, он состоит из интересубъективностей народных масс, политиков, нас, ученых, тоже ошибающихся? Каким-то образом продолжить исследование в этом направлении, или Вы считаете, что это можно продолжать бесконечно — я создал эту модель сложности, а дальше — пожалуйста, применяйте и совершенствуете? Как мы устроены: с одной стороны, есть некие задания — есть тема, надо заниматься, с другой — есть то, что для души. Я хотел бы узнать Ваши исследовательские интересы на настоящий момент: что бы хотелось еще исследовать, понять?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Я бы сделал акцент на том, что какой-то «сигнал в космос» я послал — своими статьями, докторской — что услышат, то услышат. А все остальное — зона моей ответственности. Вся методологию я применяю в своих исследованиях. Я сейчас по возрасту перестал быть заместителем директора. В моей лаборатории есть и молодые сотрудники, и опытные коллеги, когда мы с ними обсуждаем исследования, я напоминаю, что есть методологические особенности, которые могут оказаться важными в прикладном смысле. Если мы о них вовремя вспомним, это поможет нам правильно выстроить исследования. Но в основном я пользуюсь этим запасом методологических представлений в своей собственной работе, стараюсь не впадать в пизофрению, когда в одной части головы есть хорошая методология, а в другой — при-

кладные работы, которые ей не соответствуют. Я стараюсь поддерживать баланс.

Занимаюсь я разными вещами. Благодаря совершенно случайному обстоятельству 2000 года я достаточно глубоко вошел в аграрную проблематику. В нашей лаборатории мы занимаемся прогнозами аграрного производства, аграрной политикой, немного — сочетанием развития сельского хозяйства и сельских территорий. Сейчас в институте мы делаем большой проект, посвященный проблемам пространственного развития. Там будет участвовать и Александр Васильевич Петриков — он намерен реализовать свои представления о политике развития сельских территорий.

Когда я шел на нашу встречу, чувствовал, что это очень странная история: какое я могу иметь отношение к крестьяноведению. Благодаря тому, что я занимался и экономикой в целом, и отдельными отраслями, я понял всю условность таких всегда встречающихся в отраслевых публикациях заявлений первого-второго абзаца: «Сельское хозяйство — это важнейшая, ключевая, системообразующая отрасль национальной экономики». Открываешь статью про какую-нибудь отрасль промышленности — там то же самое, а может, даже более цветисто. И ты понимаешь, что это профессиональная деформация исследователя — «агроцентризм» или «нефтецентризм». А я в этом смысле — «человек экономики».

А. М. НИКУЛИН: Вообще, я считаю, кем бы ты ни был как экономист, надо стремиться к синтезу постановки проблемы. Получается, в Вашей лаборатории сельскохозяйственная проблематика — одно из направлений?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да.

А. М. НИКУЛИН: Есть и другие отрасли, направления?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да, лаборатория — часть института. В любом институте состав лабораторий или структура направлений исследований носит инерционный характер. Создается лаборатория под какого-то определенного исследователя, сначала он занимается одним кругом вопросов, потом у него изменились интересы или он ушел, а лаборатория создана под определенным названием и продолжает существовать. Моя лаборатория называется «Лаборатория проблем социально-экономического и научно-технического развития страны в долгосрочной перспективе». Предыстория проста: в конце 1980-х годов в институте «выросло» три сильных исследователя, которые занимались прогнозированием на народнохозяйственном уровне. Это исследовательское пространство надо было как-то разделить в организационно-бюрократическом плане — с точки зрения названия лабораторий. То есть заниматься можно было практически всем, но работать нужно было под разными «вывесками». Нас разделили: ты занимаешься краткосрочным прогнозированием, ты — среднесрочным, ты — долгосрочным. Это нашло отражение в названии лаборатории. Менять название лаборатории — такая бюрократия, а работать по новым направле-

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

ниям это вроде бы не мешает... Например, в этом году я буду активно работать в институтском проекте по стратегии пространственного развития.

Есть странное качество опытных исследователей — задавать простые, «глупые» вопросы, а также «забывать» свои прежние результаты, чтобы они не мешали видеть особенности предмета исследования в его текущем состоянии. Первый нормальный «глупый вопрос»: мы до сих пор часто сталкиваемся с сочетанием «региональное развитие» или «развитие в региональном разрезе», чем это отличается от «пространственного развития»? На мой взгляд, в любом проекте нужны участники с относительно свежим взглядом на предмет исследования. У специалистов, которые давно чем-либо занимаются, возникает та или иная разновидность профессиональной деформации — чаще всего они заранее знают, что нужно делать, к какому результату нужно прийти. Новые люди, когда попадают в проект, могут легче выражать свое непонимание, обращать внимание на устоявшиеся логические стереотипы. Нужны люди, которые во взаимодействиях со своими коллегами не стесняются сказать, что они чего-то не знают. Для этого следует быть очень внутренне уверенным в себе...

А. М. НИКУЛИН: И сохранять в себе детскую наивность: не бояться, что я взрослый, ученый, задаюсь этими простыми элементарными вопросами. А они ведь самые сложные: что есть пространство — это вопрос философии, социологии, что есть пространственная безопасность — тем более. Уровни этого пространства: вся страна, регион, локальный уровень деревни.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Конечно. У меня к этой проблематике есть давний интерес, накопилось некоторое раздражение в отношении части рекомендаций. Читаешь работу, в которой сопоставляются показатели по регионам, и заранее знаешь, чем она закончится: «Нужно снижать дифференциацию по этому показателю». Мы, когда смотрим на нашу историю, находим множество примеров, когда для решения важных социально-экономических задач показатели дифференциации увеличивали — северные, дальневосточные коэффициенты к зарплате — чтобы создавать мотивацию для развития соответствующих территорий страны. На философском уровне дифференциация — это нормально, это признак жизни. Ее отсутствие — скорее всего, смерть. В физике тепловая смерть — полная однородность. Но и высокая дифференциация в ряде ситуаций может интерпретироваться как нежелательное состояние. При этом непонятно и то, по каким критериям показатели дифференциации в экономике оцениваются как «высокие» или «низкие». В этом смысле, когда мы обращаемся к проблематике пространственного развития, у меня есть определенный эмоциональный запал, связанный с тем, что в этой области исследований нет важного типа прогнозов — нормативных. Что такое нормальная дифференциация — не вообще, а применительно к данному этапу развития, к таким

вот задачам? Если мы ставим определенные цели развития, какие уровни дифференциации по широкому спектру показателей будут одной из характеристик желательного образа будущего или способствовать его достижению, а какие станут труднопреодолимым препятствием или неизбежным негативным следствием проводимой экономической политики? Пока нам, на мой взгляд, не хватает понимания того, как «управление дифференциацией» должно быть встроено в контекст социально-экономического развития.

*М. Ю. Ксенофонтов,
А. М. Никулин*
«В чем отличие
прогнозов пого-
ды от прогнозов
экономики?»

“What is the difference between weather forecasts and economic forecasts?”

Mikhail Yu. Ksenofontov, DSc (Economics), Head of the Laboratory, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences; Deputy Head of the Department, Moscow Institute of Physics and Technology. Nakhimovsky Prosp., 47, Moscow, 117418, Russia. E-mail: ksen_home@bk.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The interview with Mikhail Ksenofontov, DSc (Economics), Head of the Laboratory at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, focuses on the challenges of forecasting in economic science and policies. Two scientists discuss the evolution of approaches to forecasting from the late Soviet period to the present time; the issues of forecast accuracy, their alternative nature, fallibility and the influence of the subjectivity factor (on the examples from energy industry and agriculture); economic growth assessments and criteria, its speed, optimality and proportionality; the features of forecasting approaches in natural and social sciences (on the examples of weather forecasts and economic forecasts). In conclusion, the spatial development design is mentioned in connection with issues of assessing the scale of social-economic differentiation.

Key words: forecasting, economics, politics, energy industry, agriculture, error, regional studies, optimality, proportionality